

С. В. Рудакова, О. А. Дудля

ББК 83.3(2)

УДК 82.94

DOI 10.52172/2587-6945_2021_17_3_158

С. В. Рудакова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamsu@mail.ru*

О. А. Дудля²

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
o.dudlia2015@yandex.ru*

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.А. НЕКРАСОВА

«КОМУ ЖИВЕТСЯ СЧАСТЛИВО, ВОЛЬГОТНО НА РУСИ»: ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА³

В фокусе внимания в данной работе – вопрос о счастье, который всегда активно обсуждался философами, писателями, поэтами, филологами, но в последние десятилетия интерес ученых к нему стремительно возрос. В статье исследуется феноменология счастья в поэзии Н. А. Некрасова (чей юбилей в этом году отмечает страна). В статье проанализирована специфика понимания Некрасовым счастья. Выявлены просветительские, религиозные, фольклорные, социально-политические основы представлений поэта об этом явлении человеческой жизни. Счастье как краеугольная категория бытия связана со сферой реализации религиозно-этических и идеологических представлений об идеале в индивидуальной судьбе человека, о чём неоднократно размышляли в своих произведениях классики русской литературы, не стал исключением и Некрасов. Но не менее важным

---

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Дудля Олеся Андреевна, студент-бакалавр направления Филология, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

оказывается рассмотрение проблемы счастья как явления национального, связанного с благополучием всего народа. И вклад Некрасова в разработку данного аспекта вопроса о счастье оказывается огромным. Острота обсуждения вопроса о национальном счастье обостряется 50-60-е годы XIX века, что обусловлено непростой социально-исторической ситуацией во внешней и внутренней политике России, а также соотнесено с поворотным событием этой эпохи – отменой крепостного права. О том, какое оно, «счастье народное», как оно связано с вольностью, размышлял Некрасов в своей поэзии. Наиболее развернуто мысли Некрасова о проблеме счастья, связанного с судьбой народа, его прошлым и настоящим, отражены в поэме «Кому на Руси жить хорошо», на которой в данном исследовании будет сосредоточено основное внимание.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, личное и национальное счастье, лирика, «Кому на Руси жить хорошо», свобода, социальные проблемы

Введение

Проблема счастья может быть отнесена к числу вечных вопросов, так как волнует людей уже многие века. С каждым новым периодом в истории народа интерес к этому явлению бытия только усиливается, в последние же десятилетия он стал еще более выраженным, в споры о счастье оказываются вовлеченными не только философы, филологи, поэты, писатели, психологи, но и социологи, и экономисты, и даже бизнесмены (см. подробнее: [1], [2], [3], [4], [5], [10], [17], [18], [19], [21], [22], [23], [24], [25], [26]) Однако несмотря на долгий период обсуждения вопрос этот по-прежнему открыт. Каждая эпоха, каждый автор привносит нечто свое в осмысление данного явления бытия, связывая представление о счастье с этическими, социальными, общечеловеческими, национальными или другими аспектами бытия. Наиболее чутко реагируют на происходящие во внешней жизни человека изменения именно поэты и писатели, отражая обнаруженные процессы на примерах судеб и мыслей своих героев, в том числе и о счастье.

Счастье – одна из важнейших категорий бытия, связанных с религиозными, этическими, философскими, эстетическими представлениями об идеале и его реализации в индивидуальных судьбах людей. И это тот аспект бытия, что достаточно часто попадал в фокус внимания художников. Но есть и другие подходы к трактовке счастья. Некоторые авторы пытаются выяснить для себя и читателей

особенности национального счастья, соотношенного с жизнью народа, связанного с его благополучием.

Согласно словарной статье В. И. Даля, «счастье (со-частье, доля, пай) – рок, судьба, часть и участь, доля» [8]. Нельзя не заметить этимологическую особенность понятия «счастья»: приставка *со-* указывает на наличие некоторой взаимосвязи и совместное действие нескольких объектов. Следовательно, состояние счастья неразрывно связано с чем-то, что достигается общими усилиями, то есть речь идет о коллективном, народном, «счастье» делят между собой представители одного народа, каждый берет свою часть, каждого ожидает его участь. А потому счастье оказывается связано не только с частной индивидуальной судьбой отдельного человека, но и с коллективным бытием.

Н. А. Некрасов – поэт, живущий в тесной связи со своим временем, отражающий в своем творчестве все знаковые духовные и социальные процессы, происходящие в стране, обнажающий глубинные сокрытые от глаз читателя духовно-социальные процессы и рисующий возможные перспективы и для собственных героев, и для своего народа. Наверное, неслучайно Некрасов оказывается тем автором, кто в своих произведениях описывает два возможных варианта счастья – счастье личное и счастье национальное, которые не существуют автономно друг от друга, а накладываются один на другой, что обусловлено убеждениями автора, ещё в «Поэте и гражданине» (1855–1856) выделившего в качестве определяющей свой взгляд на человека и мир гражданской позиции: «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан!» [16, II, 10].

Некрасов, как и многие представители русской культуры второй трети XIX века, оказывается вовлеченным в сложные социально-политические процессы, происходившие в России. Как поэт он формируется, когда в обществе все острее звучат вопросы о необходимости отмены крепостного права, и самым ожидаемым событием в 50-60-е гг. XIX века становится именно отмена крепостного права, объявленная 19 февраля (3 марта) 1861 года. Это поворотное событие эпохи, а также непростая социально-историческая ситуацией во внешней и внутренней политике предопределило то, что вопрос национального счастья в русской культуре приобретает особую остроту в данный период [15, 28]. «Народ освобождён, но счастлив ли народ?», – задаётся вопросом Некрасов и многими своими произведениями пытается ответить на него.

И размышления об этом событии, изменившим жизнь страны, отдельного человека, событии, с которым были связаны чаяния

народа, его мечты о счастье, отразились в целом ряде произведений Некрасова (к размышлению об этом вопросе обращался многие исследователи, среди них Б. Я. Бухштаб [7], Ю. И. Красносельская [12], Г. В. Мишина [15], Т. Б. Зайцева, А. В. Петров [9], Г. М. Ибатуллина, Г. В. Мишина, Э. А. Радь, Ю. А. Старицына [10, 104–107]) а в его итоговом произведении – в поэме-эпосе «Кому на Руси жить хорошо» именно поиски счастливого определили развитие сюжета, а вопрос «народ освобожден, но счастлив ли народ?» оказался напрямую связан с идеей поэмы.

Некрасов фиксирует в своих произведениях происходящие изменения в сознании людей, представляющих различные социальные слои. Герои некрасовской поэзии не просто находятся в поисках счастья, стремясь обрести его, насладиться им, очень часто они рефлексируют по поводу вопроса, что есть счастье в их жизни и судьбе других людей, каковы пути его достижения. В этих размышлениях некрасовских героев просматривается влияние как эпохи Просвещения, фольклорных представлений, так и реалий нового времени. Необычность некрасовского мира и в том, что размышления о счастье оказываются свойственны не только человеку просвещенному, об этих вопросах задумывается и человек, далекий от мира образования, представляющий крестьянство.

Если обратиться к национальному поэтическому корпусу русского языка (*НПКР*), то можно обнаружить в процессе анализа, что в лирике Н. А. Некрасова понятие счастье одно из широко используемых. Так, лексема «*счастье*» обнаружена в 58 документах, есть 93 примера её использования, при этом 10 из них появляются в поэме-эпосе «Кому на Руси жить хорошо». Лексема «*счастье*» встречается в 22 документах, есть 42 вхождения, из которых 19 – в «Кому на Руси жить хорошо». У лексемы «*счастливый*» в 47 документах, в которых она используется, насчитывается 80 вхождений, из которых 24 приходятся на поэму «Кому на Руси жить хорошо». Лексема «*счастливо*» появляется в 10 документах, выявляется 20 её вхождений, 9 из них – в «Кому на Руси жить хорошо». Лексема «*счастливец*» появляется в 10 документах, используется 12 раз, 2 из которых – в «Кому на Руси жить хорошо». Даже такой статистический анализ лексем, связанных с понятием счастье, убеждает нас в необходимости выделения в процессе анализа итоговой поэмы Некрасова.

В своем раннем творчестве Некрасов, стоя на позициях романтических, создает достаточно традиционные образы, связанные с постижением мира счастья. Первое, что отличает эти произведения, –

убежденность молодого поэта в том, что в земной жизни человека есть место счастью, именно к нему он устремляется. Так, в «Разговоре» («Что ты, душа, так ноешь, страждешь...») (1839), представляя диалог Души и Тела, поэт озвучивает позицию души, убежденной, что «над тобою (телом – С. Р.) власть моя / Нужна для счастья человека» [16, I, 268]. Одна из сфер, с которой ассоциирует счастье Некрасов-романтик – любовь: «Он счастлив... он шепчет: «Со мною, Заира» [16, I, 237]. Именно к ней устремляется его романтический лирический герой в своих мечтах о счастье. Для него воплощением счастья становится его возлюбленная: «Вижу вновь красавицу совершенства чудного, / Счастьем упоенную» [16, I, 251]. Позже, отказавшись от романтической эстетики, в своем романе «Три страны света» Некрасов в ироническом свете покажет другой вариант романтизации этого чувства: любовь не только дает силы и рождает чувство счастья, может произойти и обратное – при отсутствии рядом объекта страсти из силы вдохновляющей любовь может превратиться в силу разбедующую душу: «Когда с тобой – нет меры счастью, / Вдали – несчастен и убит! / И, словно волк голодной пастью, / Тоска пожрать меня грозит!» [16, IX, 74].

Обращается ранний Некрасов и к традиционной в романтизме ассоциации: счастье – мечта («мечтательное счастье» [16, I, 220]). Вслед за В. А. Жуковским и Е.А. Боратынским, размышлявшим о парадоксальности счастья, о его странной связи со страданием [2], Некрасов своей романтической лирике также заявляет о связи этих двух разных состояний: «Страданье наше, наша мука, / Когда их сносим мы с мольбой, / За счастье прочное порука / В доме другом, в стране святой» [16, I, 271]

С другой стороны, как и многие романтики юный Некрасов понимает, «что в мире счастья / Не уловить, как ни лови» [16, I, 213], что счастье – это не константа, а вечная переменная: «Ложным обольщением счастья коварного» [16, I, 275], «Отлетел надежд моих призрак обольстительный, / Счастье изменило мне» [16, I, 276].

Стихотворения Некрасова, представленные в его сборнике «Мечты и звуки» (1840), позволяют понять, что хотя вопросы счастья, бесспорно, волнуют молодого поэта, в их интерпретации, как, впрочем, и других тем, он несамостоятелен, двигается по проторенным дорогам, не предлагая ничего нового и интересного.

Но все меняется, когда происходит сознательный отказ от романтических принципов в представлении и мира, и характера героя, когда Некрасов начинает осваивать новую реалистическую эстетику и новые темы. По-другому выстраивается картина мира, по-

иному начинают звучать многие мотивы. В вопросах счастья Некрасов не замыкается только на размышлении о личном счастье, его начинает интересовать счастье народное. И с каждым новым произведением тема счастья раскрывается ярче и глубже.

В своей зрелой лирике Н. А. Некрасов, размышляя о счастье индивидуальном, ощущает его недолговечность, но рассматривает это в контексте более сложных бытийных процессов, наполняющих жизнь человека и радостями, и горестями, научающими его стойко принимать удары судьбы и двигаться вперед, несмотря на утраты: «Если жизнь ослепит блеском счастья глаза, / Даст на счастье обет, / Да изменит... солжет... и наступит гроза, – / Есть терпенье для бед, / Есть для горя – слеза!» (Из повести «В Сардинии») («Если жизнь ослепит блеском счастья глаза...») (1842) [16, VII, 266].

Счастье, эгоистически заикленное на самом себе, вызывает у Некрасова, изменившего свой взгляд на литературу, действительность, человека, горькую иронию, и недавно вызывавший восхищение, желание подражать романтический мир становится объектом едкой иронии: «Я герой!.. / Припеваючи жить / И шампанское пить, / Завираться! <...> И собой / Восхищаться! / Верить одному / Вкусу своему, / Всех блаженней в мире, / Всех несчастней быть; / Но какое счастье / Так себя любить!..» [16, I, 448].

Размышляя о судьбе отдельного человека, Некрасов начинает рассматривать её в контексте жизни народа, сосредотачивая внимание не на уникальном, исключительном, а на общем. В размышлениях о счастье у Некрасова всё очевиднее начинает просматриваться рационалистический подход [10, 104–105]. Индивидуальное счастье перестает восприниматься как единственно возможное, на первый план выдвигаются мысли о счастье для народа, а не для отдельного человека, потому, например, восславляется герой греческого национально-освободительного движения против турецкого ига в 1820-гг.: «И предводитель фильелинов, / Искавший счастья людей / И храбро дравшихся за греков / Для славы собственной своей» [16, I, 374].

Счастье личное для зрелого Некрасова, как и для романтиков, соотносится с миром любви и возлюбленной. Воплощением такого счастья становится Венера, богиня любви, представленная, правда, поэтом в контексте описаний знаменитых восковых фигур: «А вот, пленительна как счастье, / Стройна как дикая сосна, / Царица неги, сладострастья / Сидит, детьми окружена. / Она бела, как снег ваш хладный, / Как ваши зори, румяна, / Как летний вечер ваш отраднa, / Как цвет полуденный, нежна» [16, I, 376].

Размышляя о психологии любви, Некрасов задумывается не о фееричных моментах зарождения и развития этого удивительного человеческого чувства, впервые в русской литературе он представляет парадоксальную сложность этого чувства и описывает её ненарядную сторону, говоря о так называемой «прозе любви», обнаруживая, что повседневность и быт не убивают любовь, а вместе с нею и счастье, а выводят их на иной уровень: «Если проза в любви неизбежна, / Так возьмем и с нее долю счастья: / После ссоры так полно, так нежно / Возвращенье любви и участия» [16, I, 94]. Любовь, как отмечают исследователи, «предстает как причудливое неизбежное переплетение высокого и обыденного» [90, 18].

Говоря о сложности любовного чувства, Некрасов обращает внимание и на разрушительную силу ревности, которой не способно противостоять счастье любви: «Есть мгновенья дум упорных, / Разрушительнó – тлетворных, / Мрачных, буйных, адски-черных, / Сих – опасных как чума – / Расточительниц несчастья, / Вестниц зла, воровок счастья» [16, I, 447]. Задумываясь о судьбе влюбленной девушки, поэт рисует две картины, в одной – позитивной – выражена надежда на счастливую жизнь в любви в скором союзе двух сердец: «Если сердце есть в его груди – / Ждут тебя, быть может, испытанья, / Но и счастье будет впереди» [16, I, 175], в другой – негативной – поэт описывает вариант отношений, определяемый влиянием стандартных стереотипов о счастье, когда оно (счастье) измеряется деньгами, роскошью, связями, а такой «союз» губителен для чистых сердец: «Если так – плоха порука счастьем! / Как бы чудно ты не расцвела, / Ни умом, ни красотой, ни страстью / Не поправишь рокового зла» [16, I, 175].

Счастье в любви, как и иные формы счастья, по мнению Некрасова, недолговечно, понимая это, лирический герой Некрасова охраняет это чувство, пока оно живет, защищая его от праздных друзей, не способных осознать искренность и глубину его переживаний, но позже, когда из настоящего любовь-счастье перейдет в мир прошлого, герой будет готов делиться воспоминанием-рассказом о пережитом, чтобы так продлить свое счастье («О прошлом счастья рассказ / Твержу с отрадой непонятной») [16, II, 25].

В своей реалистической лирике Некрасов задумывается над таким атрибутом счастья, признаваемым в обществе, как материальное положение. Однако ни лирический герой, ни сам поэт принять этот параметр как фактор, определяющий истинное человеческое счастье, не могут. Так, в стихотворении «Секрет (опыт современной баллады)» представлена история вора и грабителя, пытающегося даже на смертном одре заявить о своей праведности

и счастье: «И сам я теперь благоденствую, / И счастье вокруг себя лью: / Я нравы людей совершенствую, / Полезный пример подаю», – но наказанного судьбой, лишившей его и сил, и состояния, и собственных сыновей: «Но брат поднимает на брата / Преступную руку свою... / И вот тебе, коршун, награда / За жизнь воровскую твою!» [16, I, 162].

Ещё с большим осуждением и социальной критикой описывает Некрасов героя стихотворения «Папаша» (1860), чье счастье связано только деньгами («С шиком оделся, приставил лорнетку / К левому глазу, прищурил другой, / Мигом пленил пожилую кокетку, / И полилось ему счастье рекой» [16, II, 70]), которые он тратит на то, чтобы выглядеть, как денди, изысканно питаться, блистать в свете; для того, чтобы себе ни в чем не отказывать этому «папаше» не жалко даже собственную дочь «выгодно» продать: «Вот этот мерзавец! / Под руку с дочерью! Весь завитой, / Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди... / Плюньте в лицо ему, честные люди! <...>. Это отец, развращающий дочь / И выводящий ее на продажу!» [16, II, 73].

В одной из своих ранних поэм «Тишина» (1856–1857) Некрасов размышление о счастье связывает с осознанием необходимости достижения такого состояния, когда человек будет избавлен от страдания, освобожден от него. В этом произведении в рассмотрении центрального образа «тишины» Некрасов в какой-то степени выступает продолжателем М. В. Ломоносова, который в своей знаменитой «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» представляет образ тишины как принципиально важный концепт, с которым связан переход государства, народа к новому состоянию жизни без войны, должному стать основой последующей гармонии, процветания и счастья. Некрасов, отталкиваясь от этого значения понятия «тишина», наращивает дополнительные смыслы, важнейшим из которых становится значение покоя, то есть состояния, которое можно достичь, например, через церковное покаяние, состояние, которое дает возможность несовершенному человеку обрести внутреннее равновесие в несовершенном мире для того, чтобы вступить в диалог с Богом. Индивидуальное счастье здесь перестает быть определяющим, для поэта не оно теперь важнейшая жизненная ценность, на первый план им выдвигается иной идеал. Одним из проявлений такого счастья для героя поэта будет способность не впадать в мучительный, разрушающий ощущение полноценности бытия самоанализ по любому поводу, умение принимать жизнь и доверять свою судьбу Богу, высшему разуму. Но самое важно –

трудиться и подниматься выше эгоистических забот и интересов: «Его (крестьянина – *С.Р.*) ли горе не скребет? – / Он бодр, он за сохой шагает. / Без наслажденья он живет / Без сожаленья умирает. / Его примером укрепись, / ломившийся под игом горя! / За личным счастьем не гонись / И богу уступай – не споря...» [16, IV, 57]. Пушкинская формула «На свете счастья нет, но есть покой и воля» (о смысле её см. подробнее работы С. Г. Бочарова [6], А. В. Петрова, обратившегося к анализу явления «полноты бытия» в поэзии А. С. Пушкина [20, 99–101]) осмысливается Некрасовым по-новому. Жизнь без наслажденья, как и смерть без сожаленья, не может быть рассмотрена проявлением полноценного счастья, но ориентация на духовно нравственное, рационально выстроенное взаимоотношение с Богом может привести в душу крестьянина покой, смысл жизни. И в этом проявляется специфика понимания Некрасовым общего национального счастья.

Размышления о счастье соотносятся с раздумьями о судьбе народа, о проблемах в обществе. Духовное и материальное, социальное и эстетическое, личное и коллективное, народное и дворянское – все это, переплетаясь, формирует сложные представления о счастье, находящие отражение в поэзии Некрасова. Поэту оказывается близка просветительская идея о том, что стремление к общему счастью людей является одним из естественных стремлений человека, а это означает, что «не может быть подлинного счастья там, где заведомо несчастна преобладающая часть народа» [7, 127]

Один из знаковых вопросов, осмысляемых Н. А. Некрасовым в его поэме «Мороз, Красный нос» (1862–1863), касается счастья, которое мыслится рассказчиком поэмы как естественное состояние человека и общества, определяющее изменения в мире в лучшую сторону, как главный стимул преобразований: «Века протекали – всё к счастью стремилось, / Всё в мире по несколько раз изменилось» [16, IV, 79]. В этом плане Некрасов оказывается близок исканиям как далеких предшественников античной эпохи, так и современникам, что вновь задумались о счастье, её нравственной, социальной и общечеловеческой природе. И в известной работе 1847 г. В. А. Милютин «Мальтус и его противники» представлено мнение, созвучное с позицией многих образованных людей этого времени: «Если назначение человечества состоит в том, чтобы постоянно совершенствоваться и развиваться, то весьма понятно, что совершенство должно признать необходимо окончательной целью стремлений человечества и последним пределом

его деятельности. Но совершенство, как для отдельного человека, так и для целого человечества, состоит в гармоническом всестороннем развитии его способностей и сил и в полном удовлетворении всем законным его потребностям, данным ему природой и развитым образованностью. Другими словами, истинное призвание человечества заключается в непрерывном стремлении к счастью, к блаженству, к развитию своего благосостояния в физическом, материальном, умственном и нравственном отношениях. Повторяем еще раз: мысль о счастье, как последней цели стремлений человечества, есть мысль, признаваемая всеми одинаково, но только понимаемая и высказываемая различно» [14, 70].

Однако размышляя о судьбе своих героев, Некрасов обнаруживает и другое: всё тянется к счастью, всё преображается, но неизменно тягостной, полной страданий без каких-либо намеков на улучшение остается жизнь подлинного труженика – крестьянки: «Одну только бог изменить забывал / Суровую долю крестьянки» [16, IV, 79]. Кроме того, понимая естественность стремления к счастью, Некрасов осознает и другое: мир жесток и несправедлив, в нем мало остается места для счастья: «Надрывается сердце от муки, / Плохо верится в силу добра, / Внемя в мире царящие звуки / Барабанов, цепей, топора» [16, II, 152].

Наверное, неслучайно, что Дарья, героиня поэмы «Мороз, Красный нос», пройдя через горнило тяжелых испытаний, смогла почувствовать себя по-настоящему счастливой лишь своим заколдованном сне», умирая на морозе: «Но сердце она утоляет, / В ней дольного счастья предел. / В ней кроткая ласка участия, / Обеты любви без конца... / Улыбка довольства и счастья / У Дарьи не сходит с лица» [16, IV, 108]. И сделало её счастливой не упование на мир неведомый, загадочный, а воспоминанья о нелегких днях, но прожитых вместе с любимым мужем и семьей. На примере этой героини Некрасов показал читателю, что человек из народа может стать подлинным героем большого поэтического произведения, так как обладает поистине широкой душой, подлинным человеческим достоинством, как заметил В. В. Жданов: «Поэт задумал изобразить судьбу и характер крестьянской женщины, ее терпение и выносливость, любовь к труду, доброту и поэтичность ее души <...> До Некрасова никто в русской поэзии не воспевал крестьянский труд как основу жизни [11, 369–370]. В смерти и Дарьи, и её мужа обнажились и трагедия крестьянства, и святость этих героев, и понимание несовпадения Божьего промысла и земной логики.

Произведением же Н. А. Некрасова, где вопрос о счастье становится определяющим, как мы уже говорили ранее, является его поэма-эпопея «Кому на Руси жить хорошо». Автор основное внимание в ней сосредотачивает на проблеме народного счастья в новых условиях пореформенной России. Пытаясь разобраться в современной ситуации, понять, стала ли жизнь крестьян благополучней после отмены крепостного права, поэт заглядывает в самые потаённые уголки русской души, изучает деревенский быт тех, кто формально был освобождён, но фактически по-прежнему оставался не волен в своей жизни. С первых строк, используя говорящие названия деревень, поэт указывает на социальную нестабильность, ужасающую бедность российской глубинки: «Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень: / Заплатова, Дырявина, / Разутова, Знобишина. / Горелова, Неелова – Неурожайка тож...» [16, V, 5].

Несмотря на внешнюю бедность, бесперспективность жизни русского народа, Некрасов осознаёт, что душа каждого из его представителей наполнена чем-то светлым, праведным, поэтому поэт делает попытку систематизировать понимание счастья, выделив несколько категорий счастливых людей.

Поначалу мужики решают, что бессмысленно спрашивать о счастье у «людей малых», у крестьян, мастеровых, солдат, ямщиков («Солдаты шилом бреются, / Солдаты дымом греются, – / Какое ж счастье тут?...» [16, V, 16]), но совсем иначе, по мнению странствующих, может сложиться разговор со священником, который становится первым среди предполагаемых счастливых. Сойдясь с мужиками на том, что истинное счастье определяется наличием *покоя, чести и богатства*, поп своей жизнью доказывает, что в ней нельзя найти всех этих составляющих: «Болящий, умирающий, / Рождающийся в мир / Не избирают времени» [16, V, 19]; почти никто в уезде не относится к священнику с должным уважением; «Потом статья... раскольники...» [16, V, 23], то есть о былом материальном благосостоянии после отмены крепостного права и после исчезновения помещиков из усадеб говорить уже не приходится. Ни один из «пунктов» формулы счастья не проецируется на судьбу попа, потому его нельзя назвать счастливым, что удивило и расстроило мужиков, отправившихся на поиски счастливого.

Если прежде странники собирались искать счастливых среди отдельно взятых людей, представляющих власть и высшие круги российского общества, то, начиная со второй главы, их внимание сосредотачивается на подобных им самим – на крестьянах, что указывает на поиск Некрасовым народного, а не индивидуального счастья. Ярмарка, на которой оказываются мужики, изображается

живо и весело, её основным цветом оказывается красный. Русские люди готовы радоваться подобным праздникам, искренне веря, что «стоголосая» дорога жизни выведет их к счастью.

В главу «Счастливые» включены рассказы солдата с медалями, молотобойца, рабочего из Питера и других, однако, послушав их, крестьяне-странники понимают, что удачи этих людей – это попытки найти нечто светлое в мрачной действительности: «Эй, счастье мужицкое! / Дырявое с заплатами, / Горбатое с мозолями, / Проваливай домой!» [16, V, 57].

В сердцах странников зарождается надежда, когда они узнают, что счастливым можно назвать Ермилу Гирина, о котором говорят: «Не князь, не граф сиятельный, / А просто он – мужик!» [16, V, 57], который покупает мельницу благодаря помощи всего народа: ««Крестьянство раскошело, / Несут Ермилу денежки, / Дают, кто чем богат. / Ермило парень грамотный, / Да некогда записывать, / Успей пересчитать!» [16, V, 60].

Некрасовский герой думает, в первую очередь, о своих ближних, заботится об их благополучии, и этим автор указывает на то, что счастье индивидуальное напрямую зависит от счастья народного. Ермила Гирин находит его в сознательном служении интересам крестьян, в правде, честности, и люди доверяют ему, ведь он рассчитывается (после приобретения мельницы) со всеми, кто помог, до последнего рубля. Единственный грех Ермилы на должности бурмистра – ситуация отправки в солдаты вне очереди сына вдовы Власьевны, после чего герой испытывает такое чувство вины, что едва не расстается с жизнью. Искреннее желание служить людям, совесть, «почёт завидный, истинный» – вот, что отличает этого героя, однако назвать счастливым Ермилу нельзя, ведь по итогу его судьба, рассказанная в поэме, завершается в остроге, куда он попал из-за того, что по-своему пытался помочь мужикам, стать на их защиту.

Значимая часть поэмы – «Крестьянка», посвященная судьбе народа и русской женщины, в жизни которой, как в зеркале, отражаются все основные социальные противоречия общества. Картина брошенного барского двора, по которому слоняются брошенные слуги, картина, становящаяся пародией на крестьянское существование, выступает фоном, на котором представлена главная героиня: ««Матрена Тимофеевна / Осанистая женщина, / Широкая и плотная, / Лет тридцати осьми. / Красива; волос с проседью, / Глаза большие, строгие, / Ресницы богатейшие, / Сурова и смугла» [16, V, 126].

Для Некрасова Матрена Тимофеевна – идеал русской бабы, странники надеются назвать счастливой именно её, однако героиня убеждает их, что поиск таковой среди женщин не увенчается успехом. Повествование о ней делится на рассказы о жизни до замужества и о том периоде, когда на её пути встречается добрый молодец

Филиппушка. Крестьянке поначалу сопутствует удача: она рождается в работающей, непьющей семье, где все друг о друге заботятся, царит лад и любовь, а затем выходит замуж за хорошего человека, находит истинное наслаждение в труде. Однако жизнь Матрены Тимофеевны полна не счастья, а забот и тревог: положение крепостной, произвол, унижения, часто непосильный труд, тяжкие испытания, связанные с детьми, потому и эту женщину причислить к счастливым не представляется возможным.

Однако именно с данной героиней будет связан мотив «ключей от счастья», взятый из популярной в русском фольклоре легенды о Беловодье, о чем, в частности, размышляет Ю. М. Лебедев [13, 154], а Ю. И. Красносельская делает этот мотив опоределяющим в своем исследовании произведения Некрасова [12].

В финале поэмы, когда на смену печальным песням приходят новые, которые поются не крепостными крестьянами, а людьми нового поколения, появляется Гриша Добросклонов. Он знаком с трудностями крестьянской жизни, но в его сознании превалирует мысль о будущем, которое видится ему «добрым временем», когда каждому человеку станет «вольготно-весело» жить на Руси. Молодой человек понимает, что от каждого из представителей русского народа зависит судьба страны и каждый может внести свою лепту в формирование её будущего. Автор подводит читателей к возможному выводу, что такие, как Гриша, и являются истинными счастливыми, а это означает возможность достижения национального счастья; отыскать правдолюбца – значит ответить на вопрос, кому на Руси жить хорошо: «Быть бы нашим странникам под родною крышею, / Если б знать могли они, что творилось с Гришею <...> / Пел он воплощение счастья народного!.. [16, V, 235].

Нельзя не согласиться с исследователями, утверждавшими, что «счастье» каждого из тех, кого народ считает «счастливым», оказывается мнимым: таковы поп, помещик Оболт-Оболдуев, герои главы «Счастливые», Матрена Тимофеевна, Савелий Корчагин. Общеизвестен и тот факт, что сам Некрасов затруднялся однозначно ответить на вопрос, “кому живется счастливо на Руси”» [9, 26]. Вопрос поставлен, наброски вариантов ответа предложены, потому поиск счастливых продолжается, как и поиск смысла жизни.

В своем позднем творчестве Некрасов стремится соединить размышления о счастье с раздумьями социального характера. Кроме того, как верно отмечают Г. М. Ибатуллина, Г. В. Мишина, Э. А. Радь, Ю.А. Старицына, для понимания счастья Некрасова характерна также

интеграция религиозно-мифологического и духовно-нравственного аспектов [10, 106].

Именно в позднем творчестве Некрасова формируются представления о счастье национальном, которое, по мнению поэта, можно достичь только трудом, общностью, свойственной крестьянам. Обретение истинной гармонии и счастья возможно лишь при воссоединении природного, религиозного, народно-крестьянского начал.

Основой некрасовской концепции счастья является убеждение, что его можно добиться только вместе, сообща, учитывая чувства и желания каждого из представителей народа. В возможности достижения национального счастья поэт видит основу формирования гармоничного общества, условие его светлого будущего.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 319–336.

2. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16). С. 1–5.

3. Абрамзон Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы II трети XIX века) / Абрамзон Т. Е., Власкин А. П., Зайцева Т. Б., Петров А. В., Рудакова С. В., Рожкова Т. И. Учебно-методическое пособие. Электронное издание. Магнитогорск: МГТУ, 2016.

4. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.

5. Аргайл М. Психология счастья. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2003. 271 с.

6. Бочаров С. Г. «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // Проблемы поэтики и истории литературы. (Сборник статей). Саранск: Изд-во Мордовского гос. университета им. Н.П. Огарева, 1973. С. 147–163.

7. Бухштаб Б. Я. Замысел поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Ленинград: Советский писатель, 1989. С. 108–135.

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва. 1863. Текст электронный. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=11775> (дата обращения: 20.06.2021).

9. Зайцева Т. Б., Петров А. В. Н. А. Некрасов: Учебно-методическое пособие. Магнитогорск: МаГУ, 2000. 50 с.

10. Ибатуллина Г. М., Мишина Г. В., Радь Э. А., Старицына Ю. А. Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века // *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12. № 4. С. 91-115. URL: <http://soc-journal.ru> (дата обращения: 20.05.2021).

11. История русской литературы. В 4-х томах. Т. 3. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ред.: А. С. Бушмин, Е. Н. Купреянова, Д. С. Лихачев, К. Д. Муратова, Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков (гл. ред.). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 877 с.

12. Красносельская Ю. И. Стоит ли искать «ключи от счастья»? (Об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина) // *Карабах: историко-литературный сборник*. 2016. №9 (9). С. 127–139.

13. Лебедев Ю. В. На пути к Н. А. Некрасову // *Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века: Историко-литературные очерки*. Москва: Классик Стиль, 2005. С. 93–160.

14. Милютин В. А. Мальтус и его противники // Милютин В. А. *Избранные произведения*. Москва: ОГИЗ, 1946. С. 39–157.

15. Мишина Г. В. Мотив поиска счастья в творчестве Н. А. Некрасова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11(65): в 3 ч. Ч. 2. С. 28-30.

16. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М.Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981.

17. Некрасова Н. А. Счастье как объект социально-этического анализа: дисс. канд. филос. наук: 09.00.05. Киев, 1984. 193 с.

18. Нешев К. Этика счастья / Пер. с болг. В. Т. Ганжина. Москва: Знание, 1982. 64 с.

19. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

20. Петров А. В. «Я помню чудное мгновенье...» А. С. Пушкина: полнота бытия, или отказ от счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 93–105.

21. Рудакова С. В., Ререци И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

22. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / Сост. и пер. с польского Л. В. Коноваловой. Москва: Прогресс, 1981. 367 с.

23. Юхнова И. С. Диалог и диалогичность / И. С. Юхнова, Т. Попович, А. Ямадзи, С. В. Рудакова, М. П. Леонова, Н. Ю. Петрищева, Е. И. Канарская. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. 177 с.

24. Abramzon T. Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015. Sofia, 2015. С. 645–652.
25. Bernard M. S. van Praag. Perspectives from the Happiness Literature and the Role of New Instruments for Policy Analysis // IZA Discussion. 2007. January. Paper No. 2568. CESifo Working Paper Series № 1912. URL: <https://ssrn.com/abstract=960020> (дата обращения: 20.05.2020).
26. Bogнар G. Authentic Happiness // Cambridge University Press. 2010. Utilitas Vol. 22, No. 3, September 2010.
27. Veenhoven R. The Cross-National Pattern of Happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness // Social Indicators Research. 1995. Vol 34. Pp 33–68.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Filosofija schast'ja v tvorcestve N. M. Karamzina: v poiskah istinnogo blazhenstva [The philosophy of Happiness in Karamzin's works: in search of true bliss] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2017. № 1 (55). Pp. 319–336. (In Russian)
2. Abramzon T. E., Rudakova S. V. Koncepcija schast'ja v lirike E. A. Boratynskogo [The concept of Happiness in Boratinsky's lyrics] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo [Memoirs of Novgorod State University]. 2018. № 4 (16). Pp. 1–5. (In Russian)
3. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russoj poezii XVIII-XIX vv.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // Problemy istorii, filologii, kul'tury kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377. (In Russian)
4. Abramzon T. E. Philological analysis of the text (on the works of Russian literature of the second third of the 19th century) / T. E. Abramzon, A. P. Vlaskin. P., Zaitseva T. B., Petrov A. V., Rudakova S. V., Rozhkova T.I. Educational-methodical manual. Electronic edition. Magnitogorsk: MSTU, 2016. (In Russian)
5. Argajl M. Psihologija schast'ja [The Psychology of Happiness]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Piter», 2003. 271 p. (In Russian)
6. Bocharov S. G. "Freedom" and "happiness" in Pushkin's poetry // Problems of Poetics and History of Literature. (Collection of articles). Saransk: Edited by N. P. Ogarev Mordovian State University, 1973. С. 147–163. (In Russian)
7. Buchshchad B. Y. The Conception of the Poem "Whom in Russia Is Well to Live On" // Buchshchad B. Y. N. A. Nekrasov.

Problems of Creativity. M., Leningrad: Soviet writer, 1989. C. 108–135. (In Russian)

8. Dahl, V. I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow. 1863. Text electronic. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=11775> (accessed 20.06.2021). (In Russian)

9. Zaitseva T. B., Petrov A. V. N. A. Nekrasov: Tutorial. Magnitogorsk: MSU, 2000. 50 c. (In Russian)

10. Ibatullina G. M., Mishina G. V., Rad E. A., Staritsina J. A. Felicitary meta-plot in the XIX century russian literature // Modern Studies of Social Issues. 2020. Vol. 12. № 4. URL: <http://soc-journal.ru> (accessed 20.05.2021). (In Russian)

11. History of Russian Literature. In four volumes. T. 3. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Lit. (Pushkin House); Editors: A. S. Bushmin, E. N. Kupreyanova, D. S. Likhachev, K. D. Muratova, F. J. Priyma, N. I. Prutskov (Chief Editor). Leningrad: Nauka. Leningrad: Nauka, Leningrad. branch, 1982. 877 c. (In Russian)

12. Krasnoselskaya Yu. I. Is It Worth Looking for the "Keys to Happiness"? (On the sources and meanings of one motif in Nekrasov and Saltykov-Shchedrin) // Karabikha: Historical and literary collection. 2016. №9 (9). C. 127–139. (In Russian)

13. Lebedev Yu. V. Na puti k N.A. Nekrasovu [On the way to N.A. Nekrasov]. Dukhovnye istoki russkoy klassiki. Poeziya XIX veka: Istoriko-literaturnye ocherki [Spiritual origins of the Russian classics. Poetry of the XIX century: Historical and literary essays]. Moscow: Klassik Stil', 2005, pp. 93–160. (In Russian)

14. Milutin V. A. Malthus and his opponents // V. A. Milyutin. Selected works. Moscow: OGIZ, 1946. C. 39–157.

15. Nekrasova N. A. Schast'e kak obekt social'no-jeticheskogo analiza: diss. kand. filos. nauk: 09.00.05. Kiev, 1984. 193 p. (In Russian)

16. Mishina G. V. The motive of finding happiness in N. A. Nekrasov's creative work // Philology. Theory & Practice. 2016. № 11(65): in 3 p. Part 2. Pp. 28–30. (In Russian)

17. Nekrasov N. A. Complete Collection of Works and Letters: In 15 volumes / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Lit. (Pushkin House); editors: M. B. Khrapchenko (chief editor) and others. Leningrad: Nauka. Leningrad. branch, 1981. (In Russian)

18. Nekrasova N. A. Happiness as an object of socio-ethical analysis: Philosophy Dissertation: 09.00.05 Kyiv, 1984. 193 c. (In Russian)

19. Neshev K. Jetika schast'ja / Per. s bolg. V. T. Ganzhina. Moscow: Znanie, 1982. 64 p. (In Russian)

20. Petrov A. V. Fenomenologiya «russkogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoy shkoly po izucheniyu

russkoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48. (In Russian)

21. Petrov A. V. "A wondrous moment i remember..." by A. S. Pushkin: completeness of existence as refusal of happiness // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48. (In Russian)

22. Rudakova S. V., Regeci I. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of Happiness] // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75. (In Russian)

23. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka [On human happiness and perfection] / Sost. i per. s pol'skogo L. V. Konovalovoj. Moskva: Progress, 1981. 367 p. (In Russian)

24. Yuhnova I. S. Dialog i dialogichnost' [Dialogue and dialogicity] / I. S. Yuhnova, T. Popovich, A. Yamadzi, S. V. Rudakova, M. P. Leonova, N. Yu. Petrishcheva, E. I. Kanarskaya. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo, 2020. 177 p. (In Russian)

25. Abramzon T. Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015. Sofia, 2015. C. 645–652. (In English)

26. Bernard M. S. van Praag. Perspectives from the Happiness Literature and the Role of New Instruments for Policy Analysis // IZA Discussion. 2007. January. Paper No. 2568. CESifo Working Paper Series № 1912. URL: <https://ssrn.com/abstract=960020> (accessed 20.05.2021). (In English)

27. Bognar G. Authentic Happiness // Cambridge University Press. 2010. Utilitas Vol. 22, No. 3, September 2010. (In English)

28. Veenhoven R. The Cross-National Pattern of Happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness // *Social Indicators Research*. 1995. Vol 34. Pp 33–68. (In English)

**"WHO LIVES HAPPILY AND FREELY IN RUSSIA":
THE SEARCH FOR NATIONAL HAPPINESS
IN N.A. NEKRASOV'S POETRY
TO THE 200TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF N. A. NEKRASOV**

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

This paper focuses on the question of happiness which has always been actively discussed by philosophers, writers, poets and philologists, but in recent decades an interest in it has grown rapidly. The article analyzes the phenomenology of happiness in the poetry of N.A. Nekrasov (whose anniversary is celebrated by the country this year), who devoted his work to the people. The article analyses the specifics of Nekrasov's understanding of happiness. The educational, religious, folklore and socio-political foundations of the poet's ideas about this phenomenon of human life have been revealed. Happiness as a cornerstone category of being can be connected with the sphere of realization of religious, ethical and ideological ideas about the ideal in an individual fate of a man, what the classics of Russian literature repeatedly reflected in their works, Nekrasov was no exception. But no less important is the consideration of happiness as a national phenomenon associated with the well-being of all people. And Nekrasov's contribution to the development of this aspect of the question of happiness is huge. The intensity of the discussion of national happiness becomes more acute in the period of the 50-60s of the 19th century which is determined by difficult socio-historical situation in Russia's foreign and domestic policy as well as by the turning-point event of this epoch – the abolition of serfdom. Nekrasov pondered in his poetry on what 'people's happiness' is and how it is connected with freedom. Nekrasov's most elaborate thoughts on the problem of happiness associated with the fate of the people, their past and present, are reflected in the poem "Who Lives Well in Russia", which this study will focus on.

Keywords: N. A. Nekrasov, personal and national happiness, lyrics, "Who Lives Well in Russia", freedom, social problems

Для цитирования: К 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. «Кому живется счастливо, вольготно на Руси»: поиски национального счастья в поэзии Н. А. Некрасова // Libri Magistri. 2021. № 3 (17). С. 158–176.

Поступила в редакцию 25.06.2021